

Н АЗВАВ свой сборник, вышедший в прошлом году в издательстве «Современник», «Корни и крона». М. Чванов не определил жанр со- ставивших его произведений. Но думаю, что сделал это по забывчивости. Потому что перед нами не роман и не повесть. Рассказы? Нет, не рассказы. Тогда, может, очерки? Да, пожалуй. Однако очерк, как бы это сказать, особого рода. Во многих из них речь идет о прошлом и даже позаранее, восемнадцатом, веке... Сочисления не часто приходится читать сочинения подобного рода в этом именном жанре.

Михаил Чванов родился и живет в Башкирии. И его книга — о родной башкирской земле, о своих соотечественниках, когда-то на ней живших и то ли писателем своим пером, то ли художником кистью, то ли другим патристическим деянством ее прославившим. Выражаясь высоким стилем, — это одна родина краю, родной земле, написанная ее благодарным сыном. Обращение к давнему и не очень давнему прошлому из нынешнего дня дает глубину исторической перспективы. Од-

нако было бы неправильным считать написанное М. Чвановым чем-то вроде этюда на тему отечественной истории. История, даже двухсотлетней давности, «протолкнута» у него через собственную биографию, через факты собственной жизни, а значит — через факты нынешнего дня.

М. Чванов пишет о С. Т. Аксакове и М. В. Нестерову, о Державине и Дале, о Толстом и Чехове. Пишет об их пребываниях на башкирской земле и о том багровом творческом влиянии, какое оказало сотрудничество с землей Башкирии на их творчество, на их самосознание. И везде идет от документа, от разнскиханых в самых различных источниках документальных свидетельств, подтверждающих близкую связь этих корифеев русской культуры с приуральским краем. Однако же документы чаще всего являются лишь отправной точкой для той или другой авторской мысли, для той или другой его мысли, опять-таки тесно связанной с нашим временем. В этом я вижу главную и несомненную ценность новой работы М. Чванова.

Как уже сказано, автором привлечен

огромный исторический материал. Здесь и выписки из государственных распоряжений восемнадцатого и девятнадцатого веков, всевозможные статистические, географические, этнографические сведения, извлечения из семейных архивов и частная переписка, быт народов, населяющих Южное Приуралье, и их фольклор, описание маршрутов путешествия Палласа и Лепехина по Уралу — все даже перечислить трудно.

И как тут не воздать должное автору: ведь все эти сведения ему никто не поднес на тарелочке с голубой каемочкой, все это надо было отыскать в библиотеках, в музеях, в архивах. Да и отыскать нужные материалы, надо было их не просто вывалить, высыпать на страницы книги, а соответствующим образом выстроить, найти для каждого свое место.

Несомненным достоинством книги я считаю также, что автор не ограничивается рассмотрением фактов биографии, скажем, тех же С. Т. Аксакова и М. В. Нестерова, или исторических событий, не ограничивается приведением нужного документального свидетельства. Он самим ходом изложения материала, своими «ком-

КОРНИ И КРОНА

ментариям» к нему старается найти и если не всегда, то почти всегда находит «выход» в нынешний день, ищет и находя глубинную связь прошлого с настоящим, будит нашу читательскую мысль.

Доброй половиной книги посвящена двум выдающимся деятелям русской национальной культуры — С. Т. Аксакову и М. В. Нестерову. Имена эти вроде бы широко известны; о замечательном художнике Нестерову написаны книги, о себе и своей необычайно талантливой семье Аксаков сам написал — много ли тут можно добавить?

М. Чванов нашел что «добавить». И речь идет не о каких-то вновь открытых фактах биографии писателя Аксакова и художника Нестерова, а о разнскиханых в архивах доселе неизвестных документах, заставляющих нас по-новому взглянуть на личность и творчество этих художников.

горели огнем любви к-России? Константин Сергеевич рано умер, и его литературное наследие невелико (одно же — три тома). А собрание сочинений Ивана Сергеевича до революции дважды вышло в семи больших томах, не считая пяти томов писем. Был бы раз за раз — десяти лет удосужились издать братьев Аксаковых? Да, один томик из двоих несколько лет назад был издан. Немаловажен вопрос: кем? Издательством «Наука», которому, как говорится, и карты в руки? Ничего подобного: наша философская и филологическая наука делает вид, что братьев Аксаковых не было и нет. Издан был том старинными энтузиастами, вовсе не «научным» издательством «Современник»...

Особенно большой интерес представляют портреты замечательных сыновей Сергея Тимофеевича — Константина и Ивана, которых наш литературоведение относит к так называемым ранним славянофилам.

Для современного широкого читателя «славянофиль» было и по сей день остается едва ли не бранным, ругательным словом. Кто знает, что это были чистые, с высокими духовными устремлениями люди, сердца которых, по выражению Герцена,

«горели огнем любви к-России? Павлу Михайловичу Третьякову. И опять хочется сказать: еще одно доброе слово в адрес этого необыкновенного человека не будет лишним — нами и по сей день еще не оценен по достоинству его огромный вклад в сокровищницу русской национальной культуры.

Можно указать и на другие положительные стороны книги. Например, на умение автора находить в обзорных произведениях прошлого — будь то литература (Аксаковы) или живопись (Нестеров) — такие стороны, которые со- звучны актуальным проблемам наших дней. Может быть, не все попытки восстановления разорванной связи времен можно признать удавшимися, но само стремление автора «соединить» прошлое с настоящим заслуживает доброго слова.

Хорошо, весело назван очерк «Пришли-те справедливого Далея». Речь в нем идет не только о Владимире Ивановиче Дале, но также и о приезжавшем в те места на кумыс А. П. Чехове, о других деятелях русской культуры.

Следом идет «Много ли человеку земли нужно?». Уже из названия понятно, что

очерк о Толстом, который неоднократно приезжал и довольно длительное время проживал в Южном Приуралье.

Скорю мы будем отмечать знаменательную дату — 200-летие со дня рождения патриарха русской культуры Сергея Тимофеевича Аксакова. Празднества пройдут в Москве и подмосковном Абрамцево, в Башкирии и Оренбуржье. И если — по известному приговору — дорого янчику ко Христову дню, то и на грядущем празднике книге «Корни и крона» будет, что называется, честь и место.

Семен ШУРТАКОВ

1 октября ~ 200 лет

со дня рождения С. Т. АКСАКОВА

«ВОПРЕКИ ВСЕМ ВОЗГЛАСАМ И КРИКАМ...»

Михаил ЧВАНОВ

У ДИВИТЕЛЬНО, но за полтора века после смерти С. Т. Аксакова мы, кажется, ни разу не удосужились задуматься над тем, почему же именно он, тихий русский писатель, не примыкающий ни к каким литературным группировкам и действительно вроде бы стоявший в стороне от общественно-политической брбры, его семья, его тихое Абрамцево как при нем, так и после него были и остаются притягательным центром русской культуры и русско-общественной мысли? Почему многие русские люди, да и не только русские, часто не согласные друг с другом, как к духовнику, как к живительному роднику, тянулись к нему? Может, в отличие от их раздирающих истину на части, — а разорванная на части, она перестает быть истинной, — он обладал какой-то высшей правдой?

Лит. Россия, -1991. - 27 сент. - с. 12-13

В наше тревожное время, время большой и сложной общественной перестройки, происходит не менее сложная перестройка семьи. Но в том ли направлении она идет? Может, мы еще и потому так внимательно всматриваемся в ту двухвековую даль, чтобы определить: то ли выбрасываем на свалку, то ли берем за краеугольные камни современной и будущей семьи? И, уже тогда, наблюдая начинающийся процесс распада традиционной семьи, Сергей Тимофеевич, быть может, хотел предостеречь нас от тех нравственных, социальных и гражданских потерь, которые он неминуемо принесет. Он уже тогда видел, что развал семьи может охотничьим развалом России.

Аксаков жил в редкостной гармонии со своим творчеством и со своими идеалами: удивительно добрая и теплая была атмосфера его семьи, крепкой родовой и национальными традициями. Это была настоящая русская семья, большая, дружная, сильная авторитетом отца, главы семейства, и не менее — авторитетом матери. Более того, она держалась как раз на неукоснительном авторитете Ольги Семеновны, дочери кутузовского генерала.

«Семья эта, — писал один из биографов Аксакова, — именующая полное право на название образцовой, была создана более всего любящим и замечательным выдержанным характером Ольги Семеновны, ее умом и сердцем, а между тем она достигала этого незаметно, не только не выдвигая себя на первый план, но даже не имея притязания ни на какое нравственное преобладание, но совершенно естественно, скромно и незаметно исполняя свой долг. Ее назначение было сохранять в семье внешний порядок и внутреннюю гармонию. Она вносила в нее теплый, ровный свет...»

какого отношения не имеют, более того, своим существованием как бы ставят его в нелепое положение.

Нет, они кровь и плоть его. Более того, Виссарион Белинский, обделенный счастливым детством, с завистью и надеждой говорил: «Ах если бы побольше было таких отцов у нас в России, как старик Аксаков!» Обычно этим обрывают цитату, как бы подтверждая мои слова о стремлении оторвать С. Т. Аксакова от его сыновей, а она имеет продолжение: «который сумел дать такое честное направление своим сыновьям, тогда бы можно было умереть спокойно, веря, что новое поколение побольше нашего принесет пользу России».

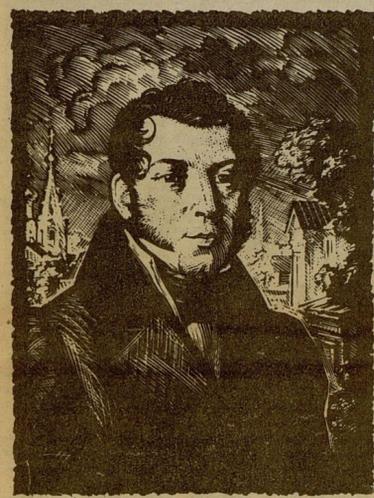
Семья Аксаковых... В этой семье никогда не существовало проблемы отцов и детей. У здорового дерева не может быть противоречия между корнями и кроной. В здоровом обществе не может быть проблемы отцов и детей. К сожалению, почти вся отечественная литература после Аксакова все более и более была посвящена этой печальной проблеме. И это было не блажь словесности — она лишь с той или иной долей честности отображала трагическую объективность, хроническую запущенную болезнь, которая в конце концов привела нас к национальной катастрофе.

Семья Аксаковых... В этой семье никогда не существовало проблемы отцов и детей. У здорового дерева не может быть противоречия между корнями и кроной. В здоровом обществе не может быть проблемы отцов и детей. К сожалению, почти вся отечественная литература после Аксакова все более и более была посвящена этой печальной проблеме. И это было не блажь словесности — она лишь с той или иной долей честности отображала трагическую объективность, хроническую запущенную болезнь, которая в конце концов привела нас к национальной катастрофе.

В пятидесятую годовщину смерти С. Т. Аксакова в одной из статей, посвященных его памяти, особым шрифтом были выделены слова: «Аксаков по чистоте души был истинно русский человек... Аксаков дорожил Россией, как духовный отец того умственного течения, которое сделалося центром славянофильского движения».

НЕ кажется, очень точно сказано, потому что была у нас очевидная тенденция относиться к С. Т. Аксакову от его «неблагополучных» сыновей. Его мы вроде признали «во-кром», хотя и «далекого от общественно-политической жизни» описавшего родной природы, он — сам по себе, а они — со своими странными мыслями о России, о еликом человечестве — сами по себе, как бы совсем от других корней и к нему ни-

988 Аксаков с м

Гравюра на дереве Николая КАЛИТЫ

нулась на его смерть такими словами: «Иван Аксаков был великан. Когда он говорил, его голос раздавался по всей Европе... До сих пор не было публициста с большим значением, чем Аксаков. Любовь Аксакова обнимала все славянство одинаково. Если бы мы жили при более благоприятных условиях, Аксаков, без сомнения, простер бы свою любовь на все человечество. Но он видел, что славяне все более угнетены». А мюнхенская «Альтеманне цайтунг» отмечала: «К выдающимся людям России, которые были похищены смертью в последнее время, принадлежат бесспорно Иван Сергеевич Аксаков... Со своими противниками он всегда боролся средствами благородными и чистыми, почему его даже непримиримые враги не смели касаться чистоты и честности его характера».

Как это ни парадоксально, как это ни горько, Константин и Иван Сергеевичи, проповедавшие семью, семейные отношения в народе и между народами, не оставили после себя детей. Они целиком отдали себя родному народу. Они как бы тянули небесный путь будущего асечеловечества. И только средний брат, Григорий Сергеевич, прокладывая земную тропу, он продолжил аксаковский род на Земле, это его дочери Ольге посвят Сергей Тимофеевич свое прекрасную книжку. О Григории Сергеевиче мы знаем меньше других братьев, хотя по-своему личностью он был не менее замечательной.

Более того, мы о нем почти ничего не знаем. Он остался для нас своего рода скромным тружеником земной нивы и то же время страстным их сподвижником: он стал государственным чиновником и на этой ниве служил родному народу: он был одним из лучших губернаторов российских.

Кем она стала, как сложилась ее жизнь? Ольга Григорьевна Аксакова! Удивительно светлым и чистым она была человеком! Среди множества других больших и малых дел она основала одну из первых в стране и первую в Башкирии кумысолечебницу для туберкулезных больных, которая и выросла в нынешний санаторий имени С. Т. Аксакова (в прошлом году санаторий отметил свое столетие). Мать Сергея Тимофеевича в свое время вывела чистых башкирских кумысов и родила России одного из ее славных сыновей. И вот теперь его внучка основала первую в Башкирии кумысолечебницу для туберкулезных больных. Родившаяся в семье народных подвижников, она не могла не стать народной подвижницей.

Удивительно цельная и совестливая семья, чувствующая особую ответственность перед родным народом, и у которой мы многому должны учиться! Как много каждый из ее членов сделал, чтобы мы помнили о них, что делали они это совсем не ради славы, это было их естественной необходимостью.

Трех старших дочерей Сергей Тимофеевич назвал: Вера, Надежда, Любовь. Оказалось, что, подобно братьям Константину и Ивану, они в меру своих скромных сил тянули, скорее, небесный путь, нечертанный отцом... Особое место среди них занимала старшая, Вера. «...Она, — писал Иван Сергеевич, — свято хранила заветы и предания всей нашей школы. Она служила для меня руководящей и по-вержилой». Вере Сергеевне спелушый Сергей Тимофеевич диктовал «Семейную хронику», то есть, по сути, она была его редактором. Бесценным документом к пониманию семейной и общественной жизни Аксаковых стал опубликованный в 1913 году «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой».

Д О ОБИДНОГО мало в советское время написано об Аксакове: Машанский, Солухин, Лобанов... Но лучше и точнее о нем, пожалуй, никто не сказал, нежели Андрей Платонов в кратком предисловии к «Детским годам Багрова-внука», в очередной раз переизданном Детгизом в 1941 году: «Именно в любви ребенка к своей матери и к своему отцу заложено будущее чувство общественного человека... Образ семьянина, художественно равноценного Дон-Жуану, не существует в мировой литературе. Однако ж образ семьянина более присущ и известен человечеству, чем образ Дон-Жуана... Отношение Аксакова к природе и к русскому народу является лишь продолжением, развитием, распространением тех чувств, которые зародились в нем, когда он в младенчестве прильнул к своей матери, и тех представлений, когда отец впервые взял своего сына на рыбную ловлю... Значение «Семейной хроники» Аксакова, значение его мысли о семье, как о чистой, великой силе, складывающей человека и преобразующей его судьбу, для нашего времени не менее важно, чем для эпохи Аксакова».

Когда Андрей Андреевич писал эти строки, он не подозревал, что уже через несколько месяцев окажется на родине Аксакова. Глубокой осенью 1941 года он с семьей был эвакуирован в Уфу. К этому времени у него уже был написан «Котлован» — семейная хроника русского народа XX века. От «Семейной хроники» Аксакова до «Котлована» Платонова — вот нравственный путь, семейная хроника русского народа, отказавшегося отчасти силой, отчасти по соблазну от своих исторических путей.

По вполне понятным причинам у нас сложилось ограниченное, эталонное, идеальное представление об образе С. Т. Аксакова как далекого от общественно-политического движения своего времени писателя-краеведа, мастера пейзажа, да еще по Лунчарскому, который писал:

«Литературовед должен будет, во-первых, установить факт наличия в русской литературе окотлованской — поры определенной группы писателей, идеологов крепостничества. Это лагеря сам по себе не очень многочисленны, но в него войдут такие писатели, как Сергей Аксаков, этот прекраснейший идеологатор феодальных отношений между помещиками и крестьянами, такой реакционный «кубков свобод» и вольный кубок пьяной свихи в буквальном смысле, то есть — пресловутую дешевку». Потомкам покажется это, пожалуй, истинным преступлением, но мы, современники, знаем, что это произошло, по недомыслию, из либерального благорадуния. Если народ не обречен нравственно от двойного хмеля, то, конечно, этим обязан он только себе, своим нравственным качествам, а никак не административной мудрости. Мало того: в Западном крае, выпустив народ из крепостной неволи, напустили

Единственное, что тут верно: в капитализме панцею спасения родного народа Сергей Тимофеевич не видел. «Идеолог крепостничества... Можно ли придумать что-нибудь кощунственнее по отношению к человеку, который всю жизнь свою боролся с крепостничеством во всех его разновидностях и проявлениях? Эту ненависть к крепостничеству он привил всем своим детям. И даже его предсмертные слова, прозвучавшие как завещание, были об отмене крепостного права. Откройте, к примеру, «Воспоминания» Аполлона Григорьева: «Сергей Тимофеевич Аксаков кончил свое попрание... высокой эпопей о Степане Багрове, Записками об охоте, детских годах, в которых во всем является великим и простым поэтом природы и умиротворяющей рукой писал гимн освобождению от векового крепостного рабства — любимого народа, любимого им всеми силами его широкой святой и простой души».

Гимном освобождения от векового крепостного рабства Аполлон Григорьев назвал стихотворение «При вести о грядущем освобождении крестьян», которое И. С. Аксаков смог опубликовать лишь после смерти отца, в 1861 году.

Призывая покончить с крепостным правом, Сергей Тимофеевич не впадал в эйфорию, как многие. Он задумывался, не попадет ли народ, доверчивый и беззащитный, в новую неволю — в кабалу хищников-негодяев и всевозможных «новых» людей. В стихотворении «При вести о грядущем освобождении крестьян» он писал:

Тихая ль взойдет свобода И неземный закон, В церковь ли пойдешь с смиренным, Иль, начавши кабаком, Все свои недоумки Погонишь ты торпором? Далеко он видел, «далекий от общественно-политической брбры» тихий русский писатель! Увы, народ толкнули на второй путь, страшный путь кровавого самоуничтожения.

на него одновременно... массу искусственных эксплуататоров, от которых доколе более или менее ограждались крестьяне не только законом, но и помещичьей властью».

Впрочем, И. В. Киреевский предупредил об этом ранее, задолго до отмены крепостного права. Прежде чем отменить его, мы должны подумать, что дадим народу взамен. Еще 17 марта 1847 года он писал сестре: «Правда, у нас теперь беспрестанно говорят об эмансипации Кошелев, Хомяков и другие, но я их мнения не разделяю. Не потому, что я считаю хорошим и полезным для России оставить навсегда крепостное право; не потому даже, чтобы я считал это возможным; крепостное право должно со временем уничтожиться, когда предварительно будут сделаны в государстве другие перемены, законность судов, независимость частных лиц от произвола чиновников и многое другое, которые здесь исчислять не нужно, — но в теперешнее время, я думаю, такая всеобъемлющая перемена произведет только смуты, общее расстройство, быстрое развитие безнравственности и поставит отечество наше в такое положение, от которого сохрани Бог!»

У Вы: как ни горько, точно по этой схеме все повторяется в российской истории веком спустя, в наши дни. И ныне мы решаем исторический вопрос, не вооружаясь историческим сознанием. Увы, но пока всеобъемлющие перемены производят только смуты, общее расстройство, быстрое развитие безнравственности и уже в ближайшее время могут поставить отечество наше в такое положение, от которого сохрани Бог! Опять, как в прошлом веке: почву медленно и упорно, с великими жертвами, готовили одни, а сеяли — плевал — оклеветав первых, другие.

И в нынешней кризисной обстановке вдвойне актуальны «семейные» мысли Аксакова. И в год 200-летия со дня его рождения мы обязаны напомнить о них родному народу, они должны помочь нам как осознать свои корни, так и цель, к которой если не идем, то должны идти, в противном случае наша память ханжеска и лицемерна.

Никогда еще, наверное, как сегодня, мы не были так страшно разбиты на кучки и лагеря в своих убеждениях, никогда еще, наверное, как сегодня, в стране нашей не были так попораны и идеи соборности и человеческого семейного всеединства. Пришло время великой проверки, время концов и начал. И, может быть, — по крайней мере, я верю, — что, дойдя до края над пропастью, люди наконец опомнятся и вернуться к святости Семьи: к семейным отношениям с природой, к крепкой семье, к семейным отношениям в народе и между народами. И в нашей духовной жизни займут достойное место и С. Т. Аксаков, его кровные и духовные сыновья и их нравственные продолжатели. Не случайно один из самых последних и светлых, и трагических представителей российского воззрения, российской общинной мысли П. А. Флоренский, живший и работавший в Троице-Сергиевой лавре и до конца разделивший трагическую участь своего народа, писал в самом безысходное для России время — 20 июля 1917 года наследнице имени Абрамцево А. С. Мамонтовой:

«Все, что происходит вокруг нас, разумно, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надеется, вызовет нечуждого к себе, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, явля и с оглядкой, а нагло давись, обратятся к русской идее, к идее России, к Святой Руси... Я уверен, что лучше еще впереди, а не позади, что кризис еще не миновал. Но я верю в то, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века. Тогда «Абрамцево» и Ваше Абрамцево будут оценены: каждую картину, каждое предание в Абрамцево, в абрамцевых. И вы должны заботиться обо всем этом ради будущей России, вопреки всем возгласам и крикам... Снажу худшее. Если бы Абрамцево уничтожить физически, то и тогда, несмотря на это великое преступление уничтожения перед русским народом, если будет жива идея Абрамцево, не все погибло...».

К сожалению, ныне, более чем полвека спустя, можно еще с большей горечью повторить, что худшее еще ВПЕРЕДИ, а не позади, что кризис еще не миновал. Очистит ли новый кризис, а точнее, продолжающийся старый, русскую атмосферу? Это зависит от многих причин. В том числе и от того, кого народ изберет в свои духовники: Аксаковых с их семейными мыслями о русском народе или пядящихся под радетелей за народ новых апостолов мировой революции.

УФА

КНЯЗЮ М. С. ВОЛКОНСКОМУ

13 января 1855 <года>

Я в большом горе, почтеннейший Михайло Сергеевич*, что не имел удовольствия застать Вас в Иркутске. Несмотря на то, я взял смелость представиться Вашему семейству, которым был принят весьма любезно и внимательно. К сожалению, недостаток времени, а еще более совестливость помешали мне пользоваться приятным приглашением Вашего семейства бывать в нем чаще. При Вас я бы считал себя более вправе на то, а без Вас совестился беспокоить членов Вашего дома своим появлением. Оправдайте меня перед ними. Вас самих не знаю, как и благодарить за Ваше внимание ко мне в Аяне. Между прочим я вспомнил, что Вы желали иметь мой резиновый, непромокаемый плащ для летних Ваших поездок верхом; сегодня с этим письмом отвезу его к Вам в дом. Пусть он напомнит Вам обо мне где-нибудь на Аянской дороге или за Байкалом. Мне не совестно его предложить Вам на память потому, что я не надевал его и двух раз и он совсем нов, хотя и измят в чемодане.

Не прощаюсь с Вами, а говорю до свидания, в надежде увидеться когда-нибудь за Уральским хребтом. Будьте уверены в моем к Вам искреннем уважении.

И. ГОНЧАРОВ

***

<Петербург, 3 июня 1888 г.>

Милостивый Государь князь Михаил Сергеевич!

Некто Самуил Шклявер, молодой человек из евреев, сын петербургского купца, с успехом окончивший курс учения в петербургской пятой гимназии, очень желает поступить в здешний университет: но как доступ туда евреям ограничен, то он и мать его просят меня «замолвить слово» у подлежащих властей об облегчении ему этого шага, полагая, не зная почему, что «слово мое» может иметь какое-нибудь значение в подобном деле.

Я — ни за, ни против евреев, в так называемом еврейском вопросе ничего не разумею и с своими взглядами в него не суюсь. Но между евреями я знаю несколько порядочных личностей, и в том числе этого Шклявера, с семейством которого я жил по соседству на даче, нередко беседовал с ним и мог заметить, что он скромный, даже застенчивый, вообще приличный молодой человек и — как казалось мне — хорошо подготовлен к слушанию университетских лекций. Это все, что я знаю и о чем могу заявить искренно.

Ваше сиятельство, конечно, по многим опытам в Вашем положении изволите знать, как трудно бывает отказывать в просьбах о ходатайстве, и потому, надеюсь, снисходительно примете это мое «слово», и даже, если бы оказалось не невозможным, удостоите его и некоторого внимания.

Мое «слово» не имеет веса и не может быть обязательным ни для кого, всего менее для «власть имеющих». Поэтому, если бы по принятым относительно евреев правилам, допущение Шклявера в университет оказалось неудобно исполнимым, позволю, князь, надеяться, что Вы не осудите меня строго за эти строки и благоволите сохранить Ваше доброе ко мне расположение, которым очень дорожу.

Прошу, Ваше сиятельство, принять уверение в моем глубоком к Вам уважении и таковой же преданности.

И. ГОНЧАРОВ

3 июня 1888

Моховая, 3, С-Петербург

Рукой Волконского внизу первой страницы письма: Прошу после 15 июня навести в Университет справку о том, принят ли Шклявер, и мне возратить это письмо. 6 июня 1888.

* Знакомство Гончарова с князем Михаилом Сергеевичем Волконским, сыном декабриста, состоялось 15 августа 1854 года, когда писатель сухопутным путем через Сибирь возвращается в Петербург из морского путешествия на фрегате «Паллада». Во время первой встречи в порту Аян наблюдательный Гончаров среди местных чиновников сразу выделил, проникаясь симпатией, «самого любезного и приятного из чиновников и людей», как он назвал Михаила Сергеевича Волконского в очерках «Фрегат «Паллада».

М. С. Волконский, окончив иркутскую гимназию с золотой медалью и чином 14-го класса, служил «под ближайшим надзором», как то было предписано управляющим III отделением Орловым генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву.

О первой встрече «на сибирских тундрах» Гончаров вспоминал как о самой полезной из всех. От М. С. Волконского писатель много узнал о быте и жизни декабристов в ссылке.

Другая встреча Гончарова с Волконским произошла летом 1864 года на курорте Вильдбаде, «когда он шел рядом с колясочкой больного ногами своего отца». В этот раз Волконский подарил писателю свою книгу с надписью: «В память встречи на берегу Охотского моря и прогулки по Шварцвальду». В письме от 11 августа 1864 года из Вильдбада Гончаров благодарит его за «любезное сотоварищество по горам» и за подаренную книгу «Устав гражданского судопроизводства Итальянского королевства».

В 1864—1865 годах писатель встречался с князьем Волконскими, отцом и сыном, в Петербурге. Дружеские отношения И. А. Гончарова и М. С. Волконского продолжались до дня смерти писателя.

Известно, что Гончаров не пропускал случая заступиться за бедного, за тесного и гонимого. В публикуемом письме от 3 июня 1888 года он обратился к кн. М. С. Волконскому, занимавшему тогда должность товарища министра народного просвещения, с ходатайством о поступлении в университет молодого человека еврейской национальности. М. С. Волконский сочувственно отнесся к просьбе писателя. Шклявер был принят в число 3 процентов евреев, поступивших в университет в 1888 году.

Ф. Н. БЕРГУ

Гунгербург, 17 августа 1887

Я получил оба Ваши письма, многоуважаемый Федор Николаевич,** и промолчал на первое, потому что затрудняюсь ответить.

Прежде всего я не понимаю, отчего Вы так встревожены тем, что я согласился дать в журнал «Ниву» мои очерки. Журнал этот очень приличный, изящный, чем, конечно, много обязан Вашим многолетним стараниям. Там печатались: гр. Лев Толстой, когда-то Тургенев, Майков, Полонский, Вы сами и другие, в кругу которых очень лестно явиться всякому. В иллюстрированном журнале это только и нужно, т. е. приличие, изящество, да еще разнообразие: о духе, направлении — там и речи нет.

Что касается издателя, то если б он действительно

Незадолго до смерти Иван Александрович Гончаров сжег почти весь свой архив. Погибли рукописи его произведений, письма. «Однажды, — рассказывала экзонсма писателя А. И. Трейгун, — это было зимю, как раз после болезни Ивана Александровича. Топился вечером камин, у которого мы вместе сидели. Вдруг, смотрю, И. А. встает, подходит к письменному столу, достает всю свою огромную переписку и просит меня помочь ему палить письма — бросать их в камин. Долго мы тогда сидели, подбрасывая письма в огонь, а камин все топился, ярко освещая вспыхивающую пламенем нашу комнату. Таким образом, очень много бумаг было тогда сожжено».

И все же... Начиная с 1891 года, года смерти Гончарова, начали и продолжают печататься его письма в разных изданиях до сего времени. Несмотря на все принятые меры по уничтожению своего архива, при утратах всякого рода, эпистолярный Гончаров достигает внушительных размеров. Уже опубликованных в разное время и в разных изданиях писем около двух тысяч.

Исследователи признавали биографическое и историческое значение эпистолярного наследия Гончарова. Нередко его письма выступают как комментарий и этюд к художественному творчеству, а эстетика письма с его богатством поэтических реминисценций переплавляется в художественную ткань мемуарной прозы, сохраняет отличительные особенности эпистолярного стиля — «язык и краски», силу которых сознавал сам Гончаров.

Научное изучение станет возможным, когда сохранившееся эпистолярное наследие писателя будет издано полностью и предстанет как единый и полный комплекс документов. А вне поля зрения биографов Гончарова остаются его письма и письма его современников, неожиданно интересные нетрадиционным взглядом на писателя и его творчество, не известными ранее фактами, раскрывающими новые грани личности писателя, его непростой характер.

Ниже публикуемые письма много дают для освещения эпохи, в которую жил Гончаров, и особенно для истории русской литературы. Они вводят в научный оборот целый пласт новых источников, имеющих биографическое и историко-литературное значение.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в рукописных отделах Государственной библиотеки имени В. И. Ленина и Института русской литературы [Пушкинский Дом].

Елена ДЕМИХОВСКАЯ

ЯРОСЛАВЛЬ

был таков, как Вы о нем писали, то ведь это для печатающего в его издании писателя равно никакого значения не имеет, лишь бы его журнал был приличен, а он до сих пор таков. Другое дело — каков он будет впереди. Притом у него громадный круг читателей. Личные же качества издателя тут в стороне, когда он ведет исправно свои дела.

Для меня очень лестно Ваше желание получить какой-нибудь продукт моего пера для какого-то нового журнала, для которого Вы, по словам Вашим, — поосторожнее лицо, но которому, очевидно, сочувствуете.

Но, конечно, Вы не серьезно предлагаете мне нарушить мое обещание, вытребовать обратно из редакции «Нивы» мою рукопись и передать ее в новый журнал. Согласитесь, что это с моей стороны было бы крайне неблагоприятно. И для чего бы я это сделал? Я полагаю, что, поступив так, я потерял бы в Ваших же глазах уважение.

Вы правы, говоря, что я пишу не для гонорара: да, я не пишу с этой целью, т. е. так: «что вот, мол, мне дают такой-то гонорар, я и напишу». Гонорар никогда не служил мне мотивом и импульсом, а был необходимым последствием за исполненный труд. Но пренебрегать щедрым гонораром я не могу, да и не вижу необходимости: тут нет никакого греха.

Об оставлении Вами редакции «Нивы» я узнал уже тогда, когда через одного приятеля начались с журналом переговоры. Я, конечно, спросил о Вас, но мне ничего не сказали, где Вы и что делаете. Расспрашивать о причинах Вашего удаления было неловко и некого. Я видел<ся> потом уже у меня с новым редактором, Г. Ключниковым, которого до тех пор знал только по его сочинениям, а познакомившись с ним лично, нашел в нем очень порядочного, скромного человека.

До получения здесь Вашего письма я даже не знал, находитесь ли Вы в Петербурге или куда-нибудь уехали, поэтому и не мог «спросить Вас прежде» сношения с «Нивой», как Вы бы желали.

Вот все, что я имею сказать в ответ на Ваши письма, жалея, что не могу удовлетворить Вашим желаниям.

Примите мой искренний поклон и уверение в моей преданности

И. ГОНЧАРОВ

P.S. Я скоро собираюсь уехать отсюда, поэтому письма ко мне здесь уже, может быть, меня не застанут.

* Ключников Виктор Петрович (1841—1892) — писатель. С 1887 года редактор «Нивы».

** Письмо является ответным на два письма Федора Николаевича Берга, недавнего редактора «Нивы», к этому моменту порвавшего с издателем журнала А. Ф. Марксом. Он обратился к писателю с просьбой взять обратно из редакции «Нивы» очерки «Слуги», чтобы передать их в другой журнал. Гончаров пишет, что не может принять предложения Ф. Н. Берга: сделать так, как советовал Берг, — поступить неэтично. К тому же гонорар за очерки был получен Гончаровым от Маркса вперед еще в мае 1887 года. Правда, об этом Ф. Н. Берг не мог знать. Записная книжка Гончарова хранит отметку 27 мая 1887 года о получении от А. Ф. Маркса гонорара вперед в размере 2000 рублей за предназначенные для «Нивы» первые два очерка («Валентин» и «Антон») из цикла «Слуги».

Визит А. Ф. Маркса к И. А. Гончарову описал мемуарист Владимир Сергеевич Лихачев.

«Задолго до смерти Гончаров, по совету Гамлета Офелии, «удалился от людей вообще, от людей же литературных и журнальных в особенности. Он считал себя обиженным, как по заслугам не оцененный и пренеде-